

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 11 (2020)

Содержание:

В сфере административно-правовых отношений.....	2
условия содержания в местах лишения свободы	2
практика Европейского Суда по правам человека.....	2
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений.....	5
право на свободу и личную неприкосновенность.....	5
<i>(вопросы принудительной госпитализации лица с целью проведения психиатрической экспертизы по уголовному делу)</i>	<i>5</i>
практика Европейского Суда по правам человека.....	5
право на справедливое судебное разбирательство.....	8
<i>(право на беспристрастное судебное разбирательство по уголовному делу с участием присяжных заседателей)</i>	<i>8</i>
практика Европейского Суда по правам человека.....	8
право на справедливое судебное разбирательство.....	9
<i>(соблюдение принципа равенства и состязательности сторон).....</i>	<i>9</i>
практика Европейского Суда по правам человека.....	9
право на справедливое судебное разбирательство.....	10
<i>(право на обоснованное решение)</i>	<i>10</i>
практика Европейского Суда по правам человека.....	10
право на справедливое судебное разбирательство.....	12
<i>(право на участие защитника).....</i>	<i>12</i>
практика Европейского Суда по правам человека.....	12
право на справедливое судебное разбирательство (право допрашивать свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, выступающих против него).....	15
практика Европейского Суда по правам человека.....	15
право на уважение частной и семейной жизни, жилища.....	19
<i>(проведение обыска у защитника)</i>	<i>19</i>
практика Европейского Суда по правам человека.....	19
право на беспрепятственное пользование принадлежащим лицу имуществом (изъятие электронных устройств, не являющихся средством преступления и длительное удержание их следователем).....	24
практика Европейского Суда по правам человека.....	24
право на свободу передвижения.....	27
<i>(необоснованно долгое применение меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении)</i>	<i>27</i>
практика Европейского Суда по правам человека.....	27

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

условия содержания в местах лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы решений Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд) по жалобам:

№ 64669/16 *«Эдуард Николаевич Другов против Российской Федерации»* и 188 других жалоб;

№ 80380/17 *«Максим Сергеевич Будкевич против Российской Федерации»* и 30 других жалоб;

№ 41102/16 *«Алексей Анатольевич Беляев против Российской Федерации»* и 29 других жалоб;

№ 13481/13 *«Алексей Леонидович Заворин против Российской Федерации»* и 569 других жалоб;

№ 54797/18 *«Виктор Сергеевич Зайцев против Российской Федерации»* и 193 других жалоб;

№ 70579/13 *«Андрей Алексеевич Катков против Российской Федерации»* и 197 других жалоб;

№ 38708/13 *«Виктор Сергеевич Кралин против Российской Федерации»* и 112 других жалоб;

№ 6018/17 *«Иван Олегович Курилов против Российской Федерации»* и 114 других жалоб;

¹ В рамках настоящего *Обзора* понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Европейский Суд по правам человека.

№ 31479/17 «*Андрей Валерьевич Марков против Российской Федерации*» и 31 другая жалоба;

№ 49125/15 «*Галина Михайловна Ощепкова против Российской Федерации*» и 257 других жалоб;

№ 14486/18 «*Иван Андреевич Самарин против Российской Федерации*» и 203 другие жалобы;

№ 57519/16 «*Игорь Занилович Тайсинов против Российской Федерации*» и 4 другие жалобы,

которыми установлено, что в Российской Федерации существует эффективное средство правовой защиты по делам, где заявители жалуются на нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее – Конвенция) ввиду необеспечения надлежащих условий содержания под стражей в ходе предварительного следствия (в прошлом) или условий содержания в исправительных учреждениях: жалобы заявителей отклонены в связи с неисчерпанием ими внутригосударственных средств правовой защиты (перечни заявителей указаны в приложениях к указанным решениям).

В указанных решениях Европейский Суд обратил внимание на то, что в своем решении от 17 марта 2020 года по делу «*Шмелев и другие против России*» (жалоба № 41743/17 и 16 других жалоб)² Суд уже рассмотрел аналогичные жалобы, поданные российскими заявителями, и объявил их неприемлемыми ввиду неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

В частности, Суд принял во внимание, что 27 января 2020 года в Российской Федерации вступил в силу новый Закон о компенсации³. Суд отметил, что Закон предусматривает следующее – любой заключенный, утверждающий, что условия его содержания нарушают национальное законодательство или международные договоры Российской Федерации, может обратиться в суд. Новизна Закона заключается в том, что (бывший) заключенный может требовать одновременно установления нарушения в виде ненадлежащих условий содержания и финансовой компенсации за это нарушение.

В этом решении Суд также указал следующее:

«122. Суд повторяет, что когда заявители уже находились на свободе, было бы достаточным предоставить им сугубо компенсационное средство правовой защиты для того, чтобы обеспечить им справедливую компенсацию за предполагаемое нарушение статьи 3 [Конвенции]... Соответственно, достаточно проверить, могут ли соответствующие заявители потребовать исчерпания компенсационного средства правовой защиты.

² См. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 3 (2020).

³ Речь идет о Федеральном законе от 27 декабря 2019 года № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

123. Как упоминалось выше, Суд может изучить эффективность недавно введенного внутригосударственного средства правовой защиты, даже если оно не было доступно на момент подачи жалобы, когда такое средство правовой защиты вводится на более позднем этапе в ответ на обнаружение Судом системной проблемы... Суд пришел к выводу, что Закон о компенсации в целом представляет собой адекватный и эффективный способ компенсационного возмещения правовой защиты в случаях, когда возникают вопросы о ненадлежащих условиях содержания в ходе предварительного следствия. Суд установил, что Закон напрямую доступен заинтересованным лицам, снабжен необходимыми процессуальными гарантиями, связанными с судебным состязательным производством,... нет оснований полагать, что такие требования не будут рассмотрены в течение разумного срока, или что компенсация не будет выплачена безотлагательно. Он также пришел к выводу, что система предлагает разумные перспективы успеха заявителям для получения компенсации.

124. Суд также отмечает, что Закон о компенсации снабжен переходными положениями, так что он может применяться любым лицом, жалоба которого на не соответствующие требованиям условия содержания находилась на рассмотрении Суда на момент вступления Закона в силу, в течение 180 дней после такой даты... То же самое относится и к тем, чьи жалобы будут признаны неприемлемыми этим Судом ввиду вступления в силу Закона.

125. Суд принимает то, что внутригосударственные суды были не в состоянии установить практику согласно Закону о компенсации. Тем не менее, Суд неоднократно [отмечал], что сомнения в перспективах средства правовой защиты, которое очевидно предусматривает обоснованную возможность компенсации, не является веской причиной для отказа от него...

126. Соответственно, даже если внутригосударственное средство правовой защиты не было доступно заявителям в то время, когда они обращались в Суд, Суд считает, что ситуация оправдывает отступление от общего правила об исчерпании и требует, чтобы указанные заявители подали запрос о компенсации в соответствии с положениями Закона о компенсации.

127. Суд признает, что в настоящее время не может быть установлен исход требований заявителей в соответствии с новыми положениями. Тем не менее, как Суд уже отмечал в подобных случаях, заявители могли бы подать новые жалобы, если их требования к национальным судам по каким-либо причинам окажутся неудовлетворенными. Конечная надзорная юрисдикция Суда сохраняется в отношении любых жалоб, поданных заявителями, которые, в соответствии с принципом субсидиарности, исчерпали имеющиеся возможности получения возмещения... Суд будет по своему усмотрению оценивать соответствие применения национальной практики пилотному решению и стандартам Конвенции в целом, в том числе, в отношении стандарта доказательств, применяемого национальными судами...

128. Наконец, Европейский Суд не упускает из виду ряд позитивных событий, связанных с ситуацией с содержанием в ходе предварительного следствия в России, которые будут проанализированы ниже».

Таким образом, полагая, что в Российской Федерации существует эффективное средство правовой защиты в тех делах, в которых заявители жалуются на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с *содержанием в ходе предварительного следствия в прошлом*, и отклонив жалобы таких заявителей ввиду неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, Суд объявил, что он будет применять этот подход ко всем аналогичным жалобам.

Суд также пришел к выводу, что заявители, которые жаловались на содержание в условиях переполненности *в исправительных учреждениях* после вынесения приговора, в нарушение установленной национальным законодательством нормы в два квадратных метра на человека, когда их содержание в таких условиях уже завершилось, оказались в ситуации, аналогичной ситуации тех лиц, содержание которых в ходе предварительного следствия нарушило применимые национальные стандарты. Суд подчеркнул, что для них, как и для других лиц, оказавшихся в аналогичной ситуации, новый Закон о компенсации представляет собой, в принципе, адекватный и эффективный способ получения возмещения, и имеет разумные шансы на успех. Таким образом, по причине исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты он также отклонил те жалобы, в которых заявители жаловались на содержание после вынесения приговора в нарушение стандартов, установленных национальным законодательством, и решил, что фактические или потенциальные заявители, оказавшиеся в аналогичной ситуации, т.е. когда жалоба касается содержания в прошлом в условиях, нарушавших применимые внутригосударственные стандарты, также сначала должны воспользоваться компенсационным средством правовой защиты, введенным в январе 2020 года.

Возвращаясь к обстоятельствам настоящих дел и рассмотрев все представленные ему материалы, Суд не усмотрел каких-либо обстоятельств или доводов, которые позволили бы ему прийти к иному выводу относительно приемлемости данных жалоб. Суд счел, что, в той части, в которой заявители подали небезосновательные жалобы на нарушение их прав в связи с ненадлежащими условиями содержания, описанными в прилагаемой к тексту решения таблице, Закон о компенсации дает им возможность получить компенсацию. Соответственно, заявителям, по мнению Суда, следует исчерпать данное средство правовой защиты, прежде чем их жалобы смогут быть рассмотрены Судом. Следовательно, их жалобы на нарушения статей 3 и 13 Конвенции, перечисленные в прилагаемой таблице, должны быть объявлены неприемлемыми в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

*право на свободу и личную неприкосновенность
(вопросы принудительной госпитализации лица с целью проведения
психиатрической экспертизы по уголовному делу)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 74253/17 «*Мананников против Российской Федерации*» (вынесено и

вступило в силу 23 октября 2018 года), которым установлено в том числе и нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованным помещением заявителя в психиатрическую больницу. Заявитель жаловался на то, что его принудительная госпитализация с целью проведения по уголовному делу психиатрической экспертизы нарушила требования статьи 5 Конвенции.

Как усматривалось из текста постановления, заявитель был помещен в психиатрическую больницу на семь дней с 23 по 30 декабря 2010 года на основании предписания суда о том, чтобы он прошел психиатрическую экспертизу в условиях стационара.

Суд в первую очередь обратил внимание на то, что лишение свободы с целью проведения назначенной судом психиатрической экспертизы должно рассматриваться с точки зрения подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции (пункт 33 постановления).

Суд повторил: проведение следственных мероприятий, предусматривающих помещение в специализированное медицинское учреждение, должно сопровождаться гарантиями защиты от злоупотребления и произвола. Когда речь идет о получении судебного разрешения на помещение лица в психиатрическое учреждение без его согласия, то участие затрагиваемого лица, с возможностью юридического представительства в случае необходимости, представляло важное средство защиты от произвола (пункт 34 постановления).

Как отметил Суд, заявитель не был заранее уведомлен о рассмотрении ходатайства о его госпитализации. Зная о том, что заявитель явится в суд для того, чтобы заслушать решение по жалобе на предыдущие действия следователя, следователь воспользовался присутствием заявителя в здании суда и отвел его в зал, в котором рассматривалось ходатайство о его госпитализации, указал Суд (пункт 35 постановления).

Европейский Суд установил, что в ходе этого разбирательства заявитель не имел защитника. Следователь ограничил его доступ к его предыдущему представителю – адвокату М. на том ложном основании, как подчеркнул Суд, следователю требовалось допросить ее в качестве очевидца преступления. Заявитель отказался от услуг бесплатного адвоката С. по назначению, но ему не было предоставлено времени для организации альтернативной защиты или для назначения другого защитника. При таких обстоятельствах Суд счел – заявителю не было выделено достаточно времени для ознакомления с материалами дела и для подготовки к защите (пункт 36 постановления).

Суд напомнил, что вопросы пропорциональности и обеспечения справедливого баланса между важностью обеспечения в демократическом обществе выполнения законного распоряжения суда и важностью права на свободу имеют особую значимость в подобного рода делах (пункт 37 постановления).

Однако, как усматривалось из материалов дела, суд не провел независимую оценку пропорциональности, а лишь, по сути, повторил содержание ходатайства следователя. Он не упомянул, что заявитель обвинялся в совершении ненасильственных преступлений или он не заявлял о невменяемости или ограниченной вменяемости или о том, что он не может предстать перед судом. Хотя суд и признал – заявитель добровольно согласился на прохождение психиатрической экспертизы в амбулаторных условиях, он не заслушал экспертов, ответственных за проведение этой экспертизы, и не предоставил заявителю возможность провести перекрестный допрос этих экспертов. Он не рассмотрел влияние разлучения заявителя и его престарелой матери, для которой он являлся единственным опекуном, и не сопоставил потребности расследования и ее благосостояния. Суд счел, что степень тщательности рассмотрения этого вопроса районным судом была явно недостаточной (пункт 37 постановления).

Суд отметил следующее – постановление о госпитализации было приведено в исполнение незамедлительно, даже в отсутствие каких-либо указаний на срочную необходимость; заявитель был отправлен в больницу непосредственно из здания суда. В рассматриваемом отношении Суд напомнил, что подпункт «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции требует, чтобы прежде чем лишить человека свободы за «несоблюдение» «законного судебного приказа», ему должна быть предоставлена возможность выполнить такой приказ, и он должен не выполнить его. По крайней мере, продолжил Суд, можно считать, что лицо имело возможность выполнить распоряжение, когда было надлежащим образом уведомлено об этом, и явно или неявно отказалось следовать ему. В настоящем деле, по мнению Суда, ничто не указывало на то, что заявителю была предоставлена возможность отправиться в больницу по собственной воле до того, как постановление было приведено властями в исполнение (пункт 38 постановления).

Суд также обратил внимание: жалоба на постановление суда о помещении заявителя в медицинскую организацию была рассмотрена более чем через месяц после освобождения заявителя. Апелляционный суд не рассмотрел подробно доводы заявителя об отсутствии защитника, о влиянии разлучения с матерью и о других вопросах (пункт 39 постановления).

Учитывая ненадлежащее рассмотрение вопроса внутригосударственными судами, которое не давало достаточных гарантий от произвола, Суд счел – производство, в результате которого заявитель был помещен в психиатрическую больницу на семь дней, не отвечало требованию законности, предусмотренному статьей 5 Конвенции, что сделало его содержание под стражей произвольным.

*право на справедливое судебное разбирательство
(право на беспристрастное судебное разбирательство по уголовному делу с
участием присяжных заседателей)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 29842/11 *«Щербаков против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 года), которым установлено нарушение статьи 6 Конвенции ввиду несоблюдения права заявителя на беспристрастное судебное разбирательство по уголовному делу с участием присяжных заседателей. Заявитель жаловался – его дело не было рассмотрено независимым и беспристрастным судом. Он заявлял по этому поводу о нарушении тайны совещания коллегией присяжных заседателей, утверждая, что между некоторыми присяжными заседателями и помощником председательствующего судьи проводились консультации. Кроме того, он считал, что судья первой инстанции оказал давление на коллегию присяжных заседателей в ходе совещания коллегии, передавая ей инструкции, касающиеся ответов, которые следовало дать на вопросы № 9 и 22 вопросного листа относительно обвинений, предъявленных ему и его соучастникам.

С самого начала Европейский Суд подчеркнул: суд, в том числе с участием присяжных заседателей, должен быть беспристрастным как с субъективной, так и с объективной точки зрения (пункт 19 постановления).

Суд напомнил также – в постановлении комитета Европейского Суда от 14 ноября 2017 года по делу *«Тимофеев против Российской Федерации»* (*Timofeyev c. Russie*), жалоба № 16887/07) он рассматривал ситуацию, аналогичную ситуации в данном деле. Он, в частности, считал, что получив после вынесения вердикта письменное извещение одного из присяжных заседателей, в соответствии с которым председательствующий судья оказывал давление на коллегию присяжных заседателей в ходе совещания коллегии, апелляционная инстанция должна была провести анализ, в результате которого можно было бы установить совершение оспариваемого факта и снять возможные сомнения в беспристрастности судебного органа первой инстанции. С учетом непроведения такого анализа и отсутствия обоснования решения апелляционной инстанции по этому вопросу Суд пришел к заключению о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции (пункт 20 постановления). Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд указал, что власти не представили каких-либо фактических или правовых оснований, способных убедить его сделать иной вывод по делу.

Как усматривалось из текста постановления, адвокат заявителя получил письменные заявления присяжных заседателей Б. и П. после вынесения вердикта и сообщил об их содержании в суде апелляционной инстанции.

Суд подчеркнул – заявления присяжных заседателей Б. и П., касающиеся изменения в голосовании по вопросам виновности заявителя после консультаций старшины с председательствующим судьей, были в достаточной степени подкрепленными, с учетом того, что, как следовало из копии вопросного листа, ответы на указанные вопросы были изменены в ходе совещания. Кроме того, доводы заявителя основывались на применимых положениях внутригосударственного права и, в частности, на статье 344 УПК РФ, в соответствии с которой любое дополнительное разъяснение председательствующего судьи после удаления коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату должно проводиться в зале заседания в присутствии присяжных заседателей и сторон производства (пункт 22 постановления).

Суд не выносил решение о доказательной ценности заявлений присяжных заседателей Б. и П. Тем не менее он счел, что эти заявления были достаточно серьезными, чтобы послужить основанием для опасений заявителя относительно беспристрастности состава суда, который вынес ему приговор, а также чтобы суд апелляционной инстанции принял надлежащие меры с целью убедиться – нижестоящий суд как в отношении председательствующего судьи, так и в отношении присяжных заседателей мог считаться беспристрастным в смысле пункта 1 статьи 6 Конвенции и предоставлял достаточные гарантии для устранения всех сомнений по этому вопросу. Между тем Суд установил: апелляционная инстанция отказалась рассматривать замечания присяжных заседателей, представленные адвокатом заявителя, и что она отклонила его доводы без рассмотрения их по существу на том основании, что они не были подкреплены «объективными фактами». Суд счел, что, действуя таким образом, апелляционная инстанция лишила заявителя возможности эффективно заявить свою жалобу и не приняла надлежащих мер для устранения сомнений в действительности и характере предполагаемых фактов и исправления ситуации, противоречащей требованиям Конвенции (пункт 23 постановления).

Данные факторы явились достаточными для Суда, чтобы он пришел к выводу о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции.

*право на справедливое судебное разбирательство
(соблюдение принципа равенства и состязательности сторон)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 29842/11 «*Фудин против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года), которым установлено нарушение статьи 6 Конвенции ввиду несоблюдения принципа состязательности сторон. Заявитель жаловался на нарушение принципа равенства сторон и

состязательности на том основании, что он не мог ознакомиться с возражениями прокурора и прилагаемыми документами.

В первую очередь Суд обратился к своей прецедентной практике, согласно которой право на состязательный процесс означает возможность для сторон – участников процесса ознакомиться с любым документом или замечанием, представленным суду с целью влияния на его решение и его обсуждения. Данная возможность имеет большое значение, если рассматривается «уголовный» аспект статьи 6 Конвенции в государстве, стремящемся к прозрачности правовой системы (пункт 26 постановления).

Обращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд установил: 23 марта 2012 года прокурор подал возражения с приложением на 15 страницах в ответ на обращение заявителя от 21 марта 2012 года, и в этот же день суд направил указанные документы в апелляционную инстанцию. Европейский Суд отметил, что 6 апреля 2012 года судебная инстанция, рассматривающая дело по существу, отклонила просьбу заявителя об ознакомлении с названными документами на том основании, что оспариваемые возражения и приложение к нему были направлены в апелляционную инстанцию, и отправка копий возражений не предусмотрена действующим законодательством. Суд заметил – статья 358 УПК РФ, в редакции, действующей на момент событий, не предусматривала отправку копии возражений прокурора лицу, обжаловавшему свой приговор (пункт 27 постановления).

Суд также напомнил, что если право на состязательный процесс предполагает возможность для сторон ознакомиться с любым документом или замечанием, представленным судье, то стороны должны, помимо прочего, иметь «реальную возможность» прокомментировать его. Однако Суд счел следующее – заявитель был лишен такой возможности (пункт 28 постановления).

Суд решил: право заявителя на состязательное разбирательство было утрачено ввиду невозможности для заявителя ознакомиться в суде с возражениями прокурора и с прилагаемыми документами и прокомментировать их в удовлетворительных условиях. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

*право на справедливое судебное разбирательство
(право на обоснованное решение)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 29842/11 «*Масленников против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 года), которым установлено нарушение статьи 6 Конвенции из-за несоблюдения права заявителя на обоснованное

судебное решение по уголовному делу. Заявитель указывал: внутригосударственные судебные органы не обосновали должным образом решения, касающиеся отклонения доказательств, которые могли бы снять с него обвинения, в частности, в отношении справок его работодателя (по его мнению, они доказывали, что он находился на рабочем месте в момент публикации оспариваемых комментариев и, следовательно, он не мог быть их автором).

Суд напомнил – в соответствии с его постоянной правоприменительной практикой, отражающей принцип, связанный с надлежащим отправлением правосудия, судебные решения должны в достаточной степени указывать на обоснования, на которых они основываются. Объем этого обязательства может изменяться в зависимости от характера решения и должен анализироваться в свете обстоятельств каждого дела. Не требуя подробного ответа на каждый довод истца, это обязательство предполагает следующее – сторона судебного производства может ожидать конкретного и определенного ответа на решающий для результата соответствующего производства довод. Из решения должно следовать, что все основные вопросы по делу были рассмотрены (пункт 33 постановления).

Суд также указал: он не должен рассматривать обоснованность довода, который приведен во внутригосударственном судебном органе, поскольку указанная задача возлагается на национальные судебные органы. Такое рассмотрение не является необходимым для установления того факта, что соответствующий довод являлся в любом случае применимым (пункт 34 постановления).

Суд подчеркнул: «как в суде первой инстанции, так и в суде апелляционной инстанции заявитель утверждал, что он не являлся автором большей части комментариев⁴, которые вменялись ему в вину, поскольку он находился на своем рабочем месте в момент их публикации... Суд отме[тил], что в подкрепление своего алиби заявитель представил справки от своего работодателя и что суд первой инстанции приобщил их к материалам уголовного дела в начале производства... Он сч[ел], следовательно, что довод заявителя, касающийся его отсутствия дома в момент публикации оспариваемых комментариев, был в достаточной степени проработан и требовал конкретного и определенного ответа по существу... Между тем он устан[овил], что ни суд первой инстанции, ни суд апелляционной инстанции не ответили на этот довод» (пункт 35 постановления).

Суд установил – признания и показания заявителя от 25 февраля 2009 года⁵ и его показания от 5 марта 2009 года⁶ были

⁴ Приговором от 9 декабря 2010 года суд признал заявителя виновным в преступлении, предусмотренном частью 1 статьи 282 УК РФ, и приговорил его к одному году лишения свободы условно. С учетом срока давности суд освободил заявителя от исполнения наложенного наказания.

⁵ Вечером 25 февраля 2009 года сотрудники милиции провели обыск в доме заявителя и изъяли его компьютер. Обыск проходил в присутствии двух понятых, В. и Г. После обыска заявитель был доставлен сотрудниками милиции в кабинет следователя В.

сформулированы в общих выражениях и что заявитель определенно признал свое авторство только в отношении четырех комментариев. Алиби, которые представил заявитель в ходе производства, не противоречили ни вышеуказанным показаниям (по меньшей мере в том, что касается комментариев, о которых не говорилось в показаниях от 5 марта 2009 года), ни другим доказательствам, принятым судом в приговоре от 9 декабря 2010 года. Суд отметил – в момент вынесения указанного приговора суд пересмотрел изложение фактических обстоятельств правонарушения и изменил его по сравнению с изложением в обвинительном акте, в частности, в отношении времени публикации каждого комментария, решив, что заявитель опубликовал не менее 459 комментариев «в различные часы». Суд счел: довод заявителя, касающийся его отсутствия дома в момент публикации комментариев, требовал ответа со стороны суда. Между тем, если бы этот довод был сочтен обоснованным, то он бы обязательно, по мнению суда, повлиял на установление виновности заявителя. Следовательно, Суд решил, что этот довод являлся решающим для результата производства по делу. В отсутствие определенного ответа, как резюмировал Суд, невозможно узнать, имело ли место простое пренебрежение со стороны судебных органов в отношении указанного довода, или же они намеренно отклонили его, и, в этом последнем случае, по каким основаниям он был отклонен (пункт 36 постановления). Данные факторы явились достаточными для Суда, чтобы он пришел к выводу о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции.

*право на справедливое судебное разбирательство
(право на участие защитника)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе

Там он дал признательные показания, в соответствии с которыми он опубликовал с изъятого у него компьютера «несколько резких комментариев» по отношению к лицам, принадлежащим к башкирской народности, и оскорбительные комментарии к статьям, опубликованным на веб-сайте. Эти признания были занесены в протокол, составленный в тот же вечер.

⁶ 5 марта 2009 года заявитель, вызванный следователем В., дал показания в качестве подозреваемого в рамках уголовного дела в его отношении. Ему оказывал помощь адвокат по его выбору. В ходе допроса он указал, что показания были даны им добровольно и он не испытывал никакого принуждения со стороны милиции. Он заявил, что с 2007 года он регулярно, примерно один раз в два дня, заходил на интернет-сайт и оставлял комментарии к статьям, которые были там опубликованы. Следователь В. спросил у заявителя, являлся ли он автором четырех комментариев, которые были опубликованы на интернет-сайте 6 и 22 июня 2008 года. Заявитель подтвердил, что он опубликовал указанные комментарии с компьютера, изъятого из его дома.

№ 74253/17 «*Мананников против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 23 октября 2018 года), которым было установлено отсутствие нарушения права заявителя на участие защитника. Заявитель жаловался на то, что отстранение адвоката М. подорвало справедливость уголовного судопроизводства в его отношении и его право защищать себя, гарантированное статьей 6 Конвенции.

Суд повторил следующее – национальные власти должны учитывать пожелания подсудимого в отношении его или ее выбора защитника, но могут и не соблюдать эти пожелания, если имеются существенные и достаточные основания полагать, что это необходимо в интересах правосудия. При отсутствии таких оснований ограничение свободного выбора защитника явилось бы нарушением пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции при негативном влиянии на защиту заявителя, учитывая судопроизводство в целом (пункт 45 постановления).

Что касается первого вопроса о том, имелись ли достаточные и существенные основания для невыполнения желания заявителя о том, чтобы его представляла адвокат М., то Суд сослался на выводы внутригосударственных судов. Они установили – поскольку М. отказалась давать показания против заявителя, то конфликт интересов не мог возникнуть, законных оснований для ограничения доступа заявителя к М. не имелось. Из этого следовало: отстранение адвоката М. не служило интересам правосудия (пункт 46 постановления).

По второму вопросу о том, была ли нарушена справедливость производства в целом, у Суда имелось недостаточно информации о ходе расследования в течение периода, когда М. была заменена на адвоката С. по назначению. Суд установил⁷: отсутствие М. на судебном процессе по вопросу о помещении заявителя в психиатрическую больницу, нарушало его право на свободу выбора адвоката. Однако этот вывод сам по себе не повлек нарушение права на справедливое судебное разбирательство, поскольку доказательства, полученные таким способом, не были использованы против заявителя во время судебного процесса. Эксперты-психиатры пришли к выводу о том, что заявитель являлся вменяемым, и он не утверждал об обратном. Таким образом, из материалов дела не следовало, что заключение эксперта, каким-либо образом повлияло на линию его защиты. У Суда также не было информации о каких-либо других следственных мерах с участием заявителя, например, допросы, которые могли бы свидетельствовать о дополнительных подтверждающих вину доказательствах (пункт 47 постановления).

С учетом вышесказанного Суд счел – отстранение М. в качестве защитника заявителя не обязательно нарушило права заявителя на защиту или подорвало справедливость судопроизводства в целом. Следовательно, нарушения пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции допущено не было.

⁷ Ранее.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 32702/13 *«Кужиль против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 25 февраля 2020 года), которым установлено нарушение статьи 6 Конвенции ввиду несоблюдения права заявителя на участие защитника. Заявитель жаловался на то, что у него не было доступа к адвокату 9 декабря 2009 года, когда он дал признательные показания в отношении сексуального насилия над У.

Европейский Суд обратил внимание: в поддержку своей позиции о том, что заявителю была предоставлена юридическая помощь во время его допроса следователем и дачи им признательных показаний 9 декабря 2009 года, власти ссылались на официальный протокол допроса, подготовленный следователем и подписанный адвокатом (пункт 26 постановления).

Однако в этом отношении Суд отметил – время допроса и присутствия адвоката, указанное следователем в официальном протоколе, не соответствуют информации, предоставленной администрацией изолятора временного содержания, в котором проводился допрос. Следователь указал, что 9 декабря 2009 года он дважды допрашивал заявителя в присутствии адвоката с 21:05 до 21:55, но администрация изолятора временного содержания зафиксировала, что следователь посещал заявителя с 12:20 до 12:40 и с 21:20 до 22:45 того же дня. Администрация изолятора не зафиксировала никакой информации, указывающей на присутствие адвоката, как было установлено Судом (пункт 27 постановления).

Суд также указал: национальные суды не изучили это расхождение и, ссылаясь на показания следователя, согласно которому адвокат присутствовал на допросе, отклонил утверждение заявителя о том, что он был допрошен и дал признательные показания без какого-либо доступа к юридической помощи (пункт 28 постановления).

Суд подчеркнул следующее – в представленных властями материалах не было ничего, что указывало бы на неограниченный доступ в изолятор временного содержания и при этом власти не вели учет лиц, входящих и покидающих здание изолятора. По мнению Суда, в ходе разбирательства в национальных судах, а также в ходе разбирательства в Европейском Суде власти могли и должны были представить журнал посещений, чтобы выяснить обстоятельства допроса заявителя 9 декабря 2009 года. Не сделав этого, власти не обосновали свою позицию. Следовательно, Суд принял утверждения заявителя и пришел к выводу – он был допрошен и дал признательные показания в отсутствие юридической помощи (пункт 30 постановления).

Суд не усмотрел каких-либо исключительных обстоятельств (и власти не указывали на них), которые могли бы оправдать ограничение права заявителя на доступ к юридической помощи. При таких обстоятельствах,

как было отмечено в постановлении, Суд должен проявлять внимательность при оценке общей справедливости уголовного судопроизводства.

Чтобы оценить общую справедливость уголовного судопроизводства в отношении заявителя Суд принял во внимание следующее. Заявитель был допрошен следователем и дал признательные показания, не имея возможности проконсультироваться с адвокатом или добиться его присутствия. Национальные суды приняли его признательные показания в качестве доказательства без надлежащего рассмотрения обстоятельств, в которых они были получены, или влияния, которое могло оказать отсутствие адвоката. Признательные показания сыграли важную роль в его осуждении (пункт 32 постановления).

Ввиду отсутствия веских причин, оправдывающих ограничение права заявителя на доступ к адвокату, Суд счел, что установленных им обстоятельств достаточно для того, чтобы сделать вывод – уголовное разбирательство по делу заявителя было несправедливым. Хотя с 23 декабря 2009 года заявитель был должным образом представлен адвокатом на стадии расследования, однако в ходе судебного разбирательства в суде первой и апелляционной инстанций, на котором он решил хранить молчание, судебное разбирательство не исправило процессуальные недостатки, имевшие место на стадии расследования. Следовательно, по мнению Суда, было допущено нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции (пункт 33 постановления).

право на справедливое судебное разбирательство (право допрашивать свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, выступающих против него)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 10355/09 «*Лобарев и другие против Российской Федерации*» и по 5 другим жалобам (вынесено 28 января 2020 года, вступило в силу 28 мая 2020 года), которым отклонены жалобы заявителей на якобы имевшее место нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Заявители жаловались – их право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, было нарушено в связи с тем, что они не имели возможности допросить свидетелей стороны обвинения, как это предусмотрено подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Суд напомнил: гарантии, предусмотренные подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, являются конкретными аспектами права на справедливое слушание дела, предусмотренного пунктом 1 этой статьи,

что следует принимать во внимание при оценке справедливости разбирательства. Кроме того, основной задачей Европейского Суда в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции является оценка общей справедливости уголовного судопроизводства. При проведении такой оценки Суд рассматривает судопроизводство в целом, принимая во внимание права стороны защиты, а также интересы общественности и потерпевших в осуществлении надлежащего уголовного преследования и, при необходимости, принимая во внимание права свидетелей. В этом контексте также следует отметить – допустимость доказательств является вопросом, регулируемым национальным законодательством и национальными судами, а единственной задачей Суда является проверка того, было ли разбирательство проведено справедливо (пункт 28 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что принципы, которые должны применяться в тех случаях, когда свидетель стороны обвинения не явился на заседание суда, а данные им до суда показания были приняты в качестве доказательства, кратко сформулированы и уточнены в постановлениях по делу *«Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства»* (пункт 152) и по делу *«Щатишвили против Германии»* (пункт 118). В соответствии с этими принципами совместимость разбирательства, которое привело к осуждению, с требованиями пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, целесообразно проверять в три этапа. Необходимо рассмотреть следующее:

(i) имелись ли уважительные причины для неявки свидетеля в суд и, следовательно, для признания непроверенных показаний свидетеля, не явившегося на судебное заседание, в качестве доказательства;

(ii) были ли показания не явившегося свидетеля единственным или решающим основанием для осуждения обвиняемого, имели ли они значительный вес, и могло ли их принятие поставить сторону защиты в невыгодное положение; и

(iii) существовали ли достаточные уравновешивающие факторы, в том числе имеющие силу процессуальные гарантии, для компенсации препятствий, с которыми столкнулась сторона защиты в результате принятия непроверенных доказательств, и для гарантии того, что разбирательство, при оценке в целом, было справедливым. Наличие уравновешивающих факторов, необходимых для справедливого судебного разбирательства, зависит от весомости доказательств, представленных свидетелем, не явившимся на судебное заседание. Чем важнее такое доказательство, тем большей весомостью должны обладать уравновешивающие факторы, чтобы судебное разбирательство в целом считалось справедливым (пункт 29 постановления).

«Что касается первого шага, продолжил Европейский Суд, то суд первой инстанции должен иметь веские фактические или правовые основания, чтобы не обеспечивать явку свидетеля в суд... Если свидетель не присутствует в суде из-за недоступности, то суд первой инстанции должен приложить все

разумные усилия для обеспечения явки свидетеля, в том числе путем активного розыска этого свидетеля с помощью внутригосударственных органов власти, включая полицию... Необходимость приложения всех разумных усилий со стороны органов власти, направленных на обеспечение явки свидетеля в суд, также подразумевает тщательное изучение внутригосударственными судами причин, объясняющих неспособность свидетеля явиться в суд, с учетом конкретной ситуации каждого свидетеля» (пункт 30 постановления).

При этом Суд уточнил – принимая во внимание возможные причины недоступности свидетеля для его допроса в суде и объем соответствующих обязательств национальных судов по приложению всех разумных усилий для обеспечения явки свидетеля, между свидетелями, местонахождение которых не может быть установлено, и свидетелями, которые уклоняются от правосудия, существует разница (пункт 31 постановления).

В отношении первых⁸ Суд неоднократно отмечал: «при содействии соответствующих органов власти национальные суды обладают широким спектром мер по розыску пропавшего свидетеля. Например, опрос родственников и знакомых..., розыск полицией, включая международную правовую помощь..., отправка информационных запросов в места содержания под стражей, национальную полицию и базы данных Интерпола..., службы регистрации актов гражданского состояния и муниципальные советы и т.д. В обязанности Суда не входит составление перечня конкретных мер, которые внутригосударственные суды должны были принять для приложения всех разумных усилий, направленных на обеспечение явки в суд свидетеля, которого, в конечном итоге, они посчитали недостижимым» (пункт 32 постановления).

Однако, по мнению Европейского Суда, в случаях, когда свидетель скрывается и уклоняется от правосудия, национальные суды сталкиваются с ситуацией, когда на практике у них нет средств для того, чтобы найти свидетеля, и было бы чрезмерным и формальным принуждать национальные суды принимать меры в дополнение к мерам, уже принятым соответствующими органами в рамках специальной правовой базы для розыска лиц, уклоняющихся от правосудия (пункт 33 постановления). В таких случаях, продолжил Суд, прежде чем сделать вывод о наличии уважительной причины неявки свидетеля, суд первой инстанции должен убедиться, во-первых, в том, что свидетель уклоняется от правосудия, и, во-вторых, что подсудимый уведомлен об этом и имеет возможность прокомментировать принятые меры (пункт 34 постановления).

Суд установил, что национальные суды обосновали свои решения об оглашении показаний отсутствующих свидетелей, а именно – указав, что они скрываются от правосудия. Суд отметил: российские суды опирались на информацию, полученную от таких компетентных органов, как прокурор,

⁸ Свидетели, местонахождение, которых не может быть установлено.

следователь, сотрудник полиции, региональное управление Федеральной службы безопасности, о том, что свидетели скрываются и/или были объявлены в розыск и убедились в том, что свидетели уклоняются от правосудия (пункт 36 постановления).

В ходе судебного разбирательства каждый из заявителей был проинформирован о неявке свидетелей и ее причинах, и ничто не указывало на то, что они были лишены возможности прокомментировать приведенные причины и принятые меры. Фактически из имеющихся материалов следовало – заявители сделали соответствующие комментарии. В частности, Н. поддержал ходатайство прокурора о запросе официального подтверждения того факта, что отсутствующий свидетель находился в розыске. Д. запросил в суде апелляционной инстанции полученную от официального органа информацию о скрывающемся свидетеле (пункт 37 постановления).

По мнению Европейского Суда, из имеющихся материалов усматривалось, что, проведя тщательную проверку, российские суды пришли к выводу о наличии веских оснований для неявки свидетелей. Суд не увидел оснований для того, чтобы не согласиться с их выводами (пункт 40 постановления).

Переходя ко второму этапу критерия, выработанного в деле *«Аль-Хаваджа и Тахери против Соединенного Королевства»*, Суд отметил, что полученные до суда показания не явившихся свидетелей не были ни единственными, ни решающими доказательствами, но тем не менее имели значительный вес. Приговоры заявителей были основаны на множестве доказательств, в число которых (помимо показаний отсутствующих свидетелей) входили показания самих заявителей и свидетелей стороны обвинения и стороны защиты, вещественные и документальные доказательства, протоколы следственных действий, заключения судебной экспертизы и видеозаписи. Суд обратил внимание: то, как национальные суды истолковывали показания не явившихся свидетелей, не предопределило и не сформировало версию событий в соответствующих делах, и не предрешило осуждение заявителей (пункт 41 постановления).

Что касается третьего этапа критерия, выработанного в деле *«Аль-Хаваджа и Тахери против Соединенного Королевства»*, который требует, чтобы Суд рассмотрел вопрос о том, имелись ли достаточные уравновешивающие факторы, чтобы компенсировать невыгодное положение, в которое была поставлена сторона защиты, то, учитывая имеющиеся в его распоряжении материалы, Суд пришел к выводу – сторона защиты могла эффективно излагать свои доводы в национальных судах, оспаривать представленные доказательства, включая данные до суда показания отсутствующих свидетелей, допрашивать других свидетелей стороны обвинения, выдвигать собственные версии событий и указывать на несоответствия или непоследовательность других доказательств (пункт 42 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что во всех делах национальные суды изучили значимость, согласованность и последовательность показаний не явившихся свидетелей и сопоставили их с другими имеющимися доказательствами. В деле Ш. суд апелляционной инстанции отклонил его утверждение о том, что очная ставка, проведенная до суда, состоялась вне рамок уголовного дела и сопровождалась процессуальными недостатками, и опирался на результаты этой очной ставки в связи с большим количеством доказательств его вины (пункт 43 постановления). Российские суды, продолжил Европейский Суд, изучили представленные стороной защиты версии событий, проверили и отклонили их на разумных основаниях. В ходе судебных разбирательств по делам заявителей сторона защиты могла вызвать свидетелей со стороны обвиняемых (супругов, родственников и друзей) и допросить их. Когда национальные суды отклонили ходатайства о вызове некоторых других свидетелей стороны защиты, они должным образом обосновали свои решения, которые не были произвольными (пункт 44 постановления).

С учетом изложенного Суд резюмировал, что уголовное судопроизводство в отношении заявителей было справедливым. Следовательно, в делах заявителей не было допущено нарушения пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

*право на уважение частной и семейной жизни, жилища
(проведение обыска у защитника)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 11264/04 *«Круглов и другие против Российской Федерации»* и по 15 другим жалобам (вынесено 4 февраля 2020 года, вступило в силу 4 июня 2020 года), которым установлено, в том числе нарушение статьи 8 Конвенции в связи с проведением обследования, осмотров места происшествия и обысков в жилищах и рабочих помещениях адвокатов и иных лиц, оказывающих юридические услуги. Суд счел, что соответствующие мероприятия нарушили профессиональную тайну адвокатов и иных лиц, оказывающих юридические услуги, в той степени, которая была несоразмерна преследуемой законной цели.

Заявители утверждали – обыски в их помещениях не соответствовали стандартам, установленным статьей 8 Конвенции. Постановления о производстве обыска не были основаны на достаточных доказательствах, подтверждающих утверждения о том, что заявители владели требуемой следствию информацией. В 14 жалобах заявители не являлись официальными подозреваемыми в рамках соответствующих расследований. В 12 жалобах единственная связь заявителей с уголовными делами

заклучалась в том, что они оказывали юридические услуги физическому или юридическому лицу, являвшемуся стороной в уголовном процессе. Кроме того, суды не уточнили объем обысков и не дали никаких указаний, направленных на защиту документов, на которые распространяется привилегия сохранения адвокатской тайны. Наконец, обыски в помещениях и изъятие электронных устройств, по мнению заявителей, не сопровождалось процессуальными гарантиями, такими как присутствие независимых наблюдателей.

В первую очередь Суд отметил: следственные органы проводили «обследования», «осмотры места преступления» или «обыски» в домах или офисах заявителей. В этом отношении Суд напомнил, что любая мера, которая по способу ее реализации и практическим последствиям не отличается от обыска, независимо от ее классификации в национальном законодательстве, представляет собой вмешательство в права заявителей, гарантированные статьей 8 Конвенции (пункт 123 постановления).

Суд установил – во всех делах, за исключением двух жалоб (№ 11264/04 (второй обыск) и № 73629/13), обыски были основаны на постановлениях судей о производстве обыска, и их заявленная цель заключалась в обнаружении доказательств в рамках уголовного дела. В двух делах, в которых обыски проводились без судебного постановления, они были осуществлены в соответствии с различными процедурами, установленными для срочных ситуаций (жалоба № 11264/04 (второй обыск) и для осмотра места преступления (жалоба № 73629/13). Суд исходил из того, что во всех делах обыски были законными с точки зрения национального законодательства и преследовали законную цель предотвращения преступлений. Оставалось выяснить, были ли оспариваемые меры «необходимыми в демократическом обществе», в частности, можно ли считать, что используемые средства были пропорциональными преследуемой цели (пункт 124 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «гонения и преследование лиц юридической профессии подрывают основу системы Конвенции». Поэтому обыски в домах или офисах адвокатов должны быть предметом особенно строгого контроля. Чтобы определить, были ли меры «необходимыми в демократическом обществе», Суд должен выяснить, существовали ли в национальном законодательстве эффективные гарантии защиты от злоупотреблений или произвола, и как эти гарантии действовали в конкретных рассматриваемых делах. В этой связи следует принимать во внимание такие элементы как тяжесть преступления (в связи с которым были произведены обыск и изъятие, были ли они произведены на основании постановления, вынесенного судьей или судебным должностным лицом, или оценены судом постфактум), было ли постановление основано на разумных подозрениях, и был ли объем этих мер разумно ограничен. Суд также должен рассмотреть способ проведения обыска, в том числе (в отношении офиса адвоката) проводился ли он в присутствии независимого

наблюдателя и имелись ли другие специальные гарантии для обеспечения того, чтобы не были изъяты материалы, на которые распространяется привилегия на сохранение адвокатской тайны. Наконец, Суд должен принять во внимание степень возможных последствий для работы и репутации лиц, затронутых обыском (пункт 125 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, лишь в одном из 15 дел (жалоба № 11264/04) адвокат заявителя официально подозревался в совершении преступления – клевета на судью. В остальных 14 жалобах заявителя были адвокатами, в отношении которых не велось расследование уголовного дела. В двух делах (жалобы № 32324/06 и 26067/08) обыск был санкционирован в отношении родственников заявителей, которые подозревались в совершении преступлений. В остальных 12 жалобах помещения адвокатов были подвергнуты обыску, поскольку их клиенты находились под следствием, и, следовательно, адвокаты могли располагать некоторой полезной информацией о них (пункт 126 постановления).

Европейский Суд установил: в постановлениях о производстве обыска указывалось следующее – материалы уголовных дел давали достаточные основания полагать, что в помещениях заявителей могут находиться документы или предметы, имеющие отношение к расследованию. Однако, продолжил Суд, в них не объяснялось, что это за материалы, и на каких основаниях полагалось, что в обыскиваемых помещениях могут находиться соответствующие доказательства. Формулировка постановлений о производстве обыска была очень пространной. Это давало следователям неограниченные пределы свободы усмотрения в отношении способа проведения обысков. Согласно прецедентной практике Суда постановления о производстве обыска должны, по возможности, составляться таким образом, чтобы влияние обыска оставалось в разумных пределах (пункт 127 постановления).

Что касается заявителей, которые были членами коллегии адвокатов, то национальные суды, по-видимому, полагали, как отметил Европейский Суд, что единственной гарантией, которая должна быть обеспечена при обыске в помещениях адвокатов, было предварительное разрешение суда, и это требование носило исключительно процессуальный характер. При этом ранее Суд уже устанавливал – судебная проверка сама по себе не является достаточной гарантией защиты от злоупотреблений. Суд обратил внимание: национальные суды не попытались установить баланс между обязанностью защищать конфиденциальность общения между адвокатом и клиентом и нуждами уголовных расследований. Так, суды не рассматривали возможности получения необходимой информации из других источников (например, от клиентов самих адвокатов). Кроме того, в деле нет ничего, что могло бы продемонстрировать – у судов были какие-либо правила для определения допустимости или недопустимости нарушения конфиденциальности документов, защищаемых адвокатской тайной. Напротив, при вынесении постановления о производстве обыска суды, судя

по всему, подразумевали, что конфиденциальность общения между адвокатом и клиентом может нарушаться каждый раз, когда проводится расследование уголовного дела, даже если это расследование осуществляется не в отношении адвокатов, а в отношении их клиентов (пункт 128 постановления).

Суд пришел к выводу: в делах, в которых национальные суды вынесли постановления о производстве обыска, они не обеспечили баланс и не проверили, отвечало ли вмешательство в права заявителей насущной социальной необходимости и было ли оно пропорциональным преследуемым законным целям.

Аналогичным образом, как усматривалось из текста постановления Европейского Суда, в тех делах, где заявители жаловались на способ проведения обысков (жалобы № 11264/04 (второй обыск), 32324/06, 26067/08, 2397/11 (первый заявитель), 14244/11, 73629/13, 19667/16 (в отношении обыска в офисе) и 36833/16), национальные суды также в основном изучали вопрос о том, соответствовали ли действия властей применимым требованиям уголовно-процессуального законодательства. Однако национальные суды не оценили необходимость и пропорциональность действий следственных органов (пункт 130 постановления).

Что касается конкретных процессуальных гарантий, доступных заявителям во время или после обысков, то Суд пришел к следующему выводу.

В период рассматриваемых событий, подчеркнул Суд, российское законодательство не предусматривало процессуальных гарантий для предотвращения вмешательства в профессиональную тайну, таких как запрет на изъятие документов, подпадающих под действие привилегии конфиденциальности общения между адвокатом и клиентом, или присутствие во время обыска независимых наблюдателей, которые могут независимо от следственной группы определить, на какие документы распространяется такая привилегия конфиденциальности. Отсутствие процессуальных гарантий в период рассматриваемых событий подтверждается принятыми впоследствии законодательными поправками от 17 апреля 2017 года⁹. Однако они не повлияли на ситуацию заявителей до даты их принятия. В период рассматриваемых событий, по мнению Суда, не существовало возможности обеспечить присутствие представителя коллегии адвокатов или поставить перед судьей вопрос о том, могут ли конкретные документы или предметы быть использованы следствием, если

⁹ С 17 апреля 2017 года новая статья 450.1 УПК РФ предусматривает, что помещение адвоката может быть подвергнуто обыску только в том случае, если он является подозреваемым по уголовному делу, на основании судебного решения и в присутствии представителя соответствующей коллегии адвокатов. В исключительных случаях осмотр места преступления в помещении адвоката может быть проведен без соблюдения этих условий.

заявители возражают против этого на основании необходимости обеспечения профессиональной тайны. Присутствие понятых не было достаточной гарантией, так как они не имели юридической квалификации и не могли определить, на какие материалы распространяется привилегия адвокатской тайны. Кроме того, что касается данных, хранящихся на электронных устройствах заявителей, которые были изъяты следователями, то, по-видимому, во время обысков никакая процедура отсеивания не проводилась (пункт 132 постановления).

Даже существовавшие в то время гарантии, такие как обращение за юридической помощью во время обыска, продолжил Европейский Суд, были недоступны, по крайней мере, одному заявителю под предлогом того, что ее адвокат прибыл на место с опозданием, когда обыск уже начался (жалоба № 32324/06). Непонятно, каким образом адвокат мог явиться к началу обыска, учитывая следующее обстоятельство – заявитель не была заранее уведомлена о проведении обыска и она не выбирала время начала обыска (пункт 133 постановления).

Было обращено внимание: в жалобе № 2397/11 процедура судебного пересмотра *ex post facto* была недостаточной в связи с тем, что суд первой инстанции не позволил Б., С. и С. изложить свои доводы в суде. Суд применил ограничительное толкование части 3 статьи 165 УПК РФ¹⁰. При этом он не учел, что обыск уже состоялся и, следовательно, необходимость в секретности, требуемой для разбирательства *ex parte*, отсутствовала. Более того, это ограничительное толкование противоречило практике Конституционного Суда¹¹, согласно которой это положение не запрещало заинтересованным лицам участвовать в судебном пересмотре обыска. Таким образом, Суд счел – Б., С. и С. были ограничены в своем праве участвовать в судебном пересмотре обыска *ex post facto* (пункт 134 постановления).

В жалобе № 19667/16 (второй обыск) суд апелляционной инстанции отказал в рассмотрении апелляционной жалобы заявителя на постановление о производстве обыска на том основании, что к тому моменту уголовное дело в отношении третьих лиц, в рамках которого было вынесено это постановление, уже было передано в суд. В Европейский Суд не было представлено объяснение того, почему факт возбуждения уголовного дела в отношении третьих лиц должен был повлиять на право заявителя на проверку законности постановления о производстве обыска в ее доме. Таким образом, Суд счел: в этом деле заявитель была лишена *ex post facto*

¹⁰ Для обыска жилого помещения требуется постановление о производстве обыска, вынесенное судом по запросу следователя (статья 165 УПК РФ). В судебном заседании по запросу следователя о вынесении постановления о производстве обыска имеют право участвовать *прокурор и следователь* (часть 3 статьи 165 УПК РФ).

¹¹ В своем определении от 10 марта 2005 года № 70-О Конституционный Суд РФ постановил, что часть 3 статьи 165 УПК РФ не лишает лицо, в жилище которого проводится обыск, возможности участвовать в судебном пересмотре законности обыска.

судебного пересмотра постановления о производстве обыска в ее доме (пункт 135 постановления).

С учетом вышеизложенного Суд резюмировал, что обыски в названных делах нарушили профессиональную тайну в той степени, которая была несоразмерна преследуемой законной цели.

Что касается трех заявителей, которые являлись практикующими юристами, но не были членами коллегии адвокатов (жалобы № 58290/08, 10825/11 и 73629/13), то Суд отметил следующее. В пределах своей юрисдикции государства должны сами определять, кто уполномочен заниматься юридической практикой и на каких условиях. Кроме того, государства также должны создать систему конкретных гарантий сохранения профессиональной тайны в интересах надлежащего отправления правосудия, учитывая роль адвокатов в качестве посредников между сторонами в судебных процессах и судами. В Российской Федерации независимо от области права «иные лица» могут оказывать услуги юридических консультаций и представительства в судах с небольшими ограничениями, подчеркнул Суд. Тем не менее профессиональная тайна защищена только в той степени, в которой она относится к адвокатам, оставляя отношения между клиентами и другими практикующими юристами незащищенными. Суд признал – потенциальные клиенты должны знать о разнице между статусом адвоката и статусом других практикующих юристов. Адвокаты пользуются дополнительными привилегиями. Это согласуется с тем фактом, что объем их обязательств перед клиентами больше, чем у других юристов. Однако отсутствие каких-либо конкретных гарантий в отношениях между клиентами и иными практикующими юристами, которые, за небольшими ограничениями, осуществляют профессиональную и зачастую независимую деятельность в большинстве областей права, включая представительство истцов в судах, противоречило бы верховенству права. Таким образом, Суд счел: обыски в помещениях тех заявителей, которые являлись практикующими юристами, но не входили в коллегию адвокатов, были проведены без достаточных процессуальных гарантий защиты от произвола (пункт 137 постановления).

Следовательно, по мнению Суда, в отношении всех заявителей было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

право на беспрепятственное пользование принадлежащим лицу имуществом (изъятие электронных устройств, не являющихся средством преступления и длительное удержание их следователем)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 74253/17 «*Мананников против Российской Федерации*» (вынесено и

вступило в силу 23 октября 2018 года), которым было установлено, в том числе нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Заявитель жаловался на то, что следователь изъял его электронные устройства и не позволил ему снять копии с его документов.

Суд обратил внимание на то, что заявитель являлся законным владельцем электронных устройств, которые следователь изъял из его квартиры и хранил в качестве вещественных доказательств по уголовному делу. Данная ситуация должна была быть рассмотрена с точки зрения права государства контролировать пользование собственностью. Решение об удержании устройств было основано на положениях УПК РФ и могло считаться необходимым в интересах надлежащего отправления правосудия, что является «законной целью» в общих интересах общества (пункт 54 постановления).

Суд отметил, что электронные устройства не являлись предметом, инструментом или результатом преступления. Ценность для расследования представляла хранящаяся на них информация. После того, как следователь изучил и скопировал эту информацию, видимых причин для дальнейшего удержания устройств, по мнению Суда, не осталось. В ходе разбирательств во внутригосударственных судах и в Европейском Суде таких причин названо не было. Тем не менее внутригосударственные органы власти удерживали эти устройства около трех лет до тех пор, пока приговор по уголовному делу не вступил в силу. Суд также подчеркнул – заявитель использовал компьютер и другие устройства для подготовки юридических документов для защиты своих прав и законных интересов. Удержание компьютера не только причинило заявителю личные неудобства, но и подорвало его способность защищать себя, резюмировал Суд (пункт 55 постановления).

Суд счел, что власти Российской Федерации не соблюли «справедливый баланс» между требованиями общественного интереса и требованием защиты права заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом. Соответственно, имело место нарушение требований статьи 1 Протокола № 1.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 11264/04 *«Круглов и другие против Российской Федерации»* и по 15 другим жалобам (вынесено 4 февраля 2020 года, вступило в силу 4 июня 2020 года), которым также установлено, в том числе нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с изъятием у ряда заявителей в ходе соответствующих мероприятий электронных устройств (они не являлись предметом преступления) и их последующим длительным невозвращением заявителям.

Суд повторил, что удержание вещественных доказательств может быть необходимым в интересах надлежащего отправления правосудия, это

является «законной целью», служащей «общим интересам» сообщества. Однако он отметил: должна также существовать разумная пропорциональность между используемыми средствами и целью, преследуемой государством, путем применения каких-либо мер, в том числе мер, направленных на контроль над использованием личного имущества. Ранее Суд устанавливал, что длительное удержание изъятых электронных устройств хранения данных не имеет видимого оправдания, если сами эти устройства не были объектом, инструментом или продуктом какого-либо уголовного преступления, и, таким образом, представляет собой непропорциональное вмешательство в право на беспрепятственное пользование имуществом, охраняемое статьей 1 Протокола № 1 (пункт 144 постановления).

Шесть жалоб (№ 32324/06, 60648/08, 2397/11, 7101/15, 29786/15 и 36833/16), по мнению Европейского Суда, явились наглядным примером этой проблемы. Изъятые устройства хранения данных не были объектом, инструментом или продуктом какого-либо преступления, и поэтому их длительное удержание не имело очевидного оправдания. В деле нет ничего, что объясняло бы, почему следственные органы не могли скопировать необходимую им информацию. В настоящее время УПК РФ, отметил Суд, предусматривает такую возможность, но в период рассматриваемых событий ее не существовало. Кроме того, по крайней мере, начиная с 2012 года власти имели возможность вернуть устройства после их изучения, но, по-видимому, в трех из рассматриваемых дел (жалобы № 7101/15, 29785/15 и 36833/16) они не воспользовались ей по неизвестным причинам, отметил Европейский Суд. В деле Ф. изъятые компьютерные процессоры были возвращены через девять месяцев; Л. получил свое имущество через год и три месяца после обыска; в то время как в трех других делах изъятые предметы так и не были возвращены заявителям. Несмотря на то, что в деле Б. эксперт изучил содержимое изъятых компьютеров в течение двух дней после их изъятия, они были возвращены Б. через месяц, и власти не объяснили, почему им нужно было хранить компьютеры столь долго. Начиная с 2016 года, законодательные органы установили сроки хранения или возврата изъятых предметов, но это не повлияло на ситуацию ряда заявителей (жалобы № 2397/11, 7101/15 и 29785/15), чье имущество по необъясненным причинам удерживалось даже после введения новых законодательных положений (пункт 145 постановления).

Суд счел, что в отношении заявителей в каждом из шести дел было допущено нарушение статьи 1 Протокола № 1.

*право на свободу передвижения
(необоснованно долгое применение меры пресечения в виде подписки о
невыезде и надлежащем поведении)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 74253/17 *«Мананников против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 октября 2018 года), которым было установлено, в том числе нарушение статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции. Заявитель жаловался на то, что в нарушение приведенного положения Конвенции власти запретили ему покидать город Н. на весь срок уголовного судопроизводства.

Суд повторил – запрет покидать территорию определенного города, как тот, который был установлен в отношении заявителя, представлял собой вмешательство в его право на свободу передвижения. Государство может применять различные меры пресечения, ограничивающие свободу подсудимого в рамках уголовного судопроизводства, для обеспечения его эффективного проведения, при условии, что такая мера и, в частности, ее продолжительность соответствует закону и является пропорциональным преследуемым целям (пункт 60 постановления).

Суд обратил внимание на следующее: свобода передвижения заявителя была первоначально ограничена в августе 2007 года в рамках первого уголовного дела. Можно считать, что срок действия данного ограничения истек после завершения производства по делу в декабре 2010 года. К этому времени уже велось расследование по второму уголовному делу, и в мае 2011 года было установлено аналогичное ограничение. Оно было снято по окончании производства по второму уголовному делу в феврале 2013 года. Суд напомнил: в целях производства по Конвенции эти два периода должны учитываться в совокупности. Из этого следовало, что общий период ограничения, который подлежал рассмотрению, составлял, по мнению Суда, приблизительно шесть лет (пункт 61 постановления).

Судом было отмечено – обязательство не покидать область места жительства является наименее суровой мерой ограничения свободы лица. Ее чрезмерная длительность сама по себе не может быть достаточной для вывода о том, что она была непропорциональна преследуемой законной цели. Длительность оспариваемого ограничения была не больше, чем в делах, в которых она в совокупности с другими элементами дела не привела к установлению нарушения статьи 2 Протокола № 4¹². Однако отличительной

¹² См.: постановление Суда от 22 ноября 2005 года по делу *«Антоненков и другие против Украины»* и постановление от 13 октября 2005 года по делу *«Федоров и Федорова против Российской Федерации»*.

особенностью в настоящем деле является то, что заявитель проживал в городе М., но должен был находиться в городе Н., где предположительно были совершены преступления. Город Н. находится в более чем 3300 километрах или приблизительно в четырех часах полета на самолете от места обычного проживания заявителя, и ему было запрещено возвращаться туда даже на короткий срок. Необходимость столь долго пребывать вдалеке от места, в котором он проживал ранее, должно быть, существенно нарушила жизнь заявителя и подвергла его финансовым трудностям, хотя в деле нет указаний на то, что внутригосударственные органы власти учли данный факт (пункт 62 постановления).

Суд отметил, что ограничение перемещения было автоматически применено на весь срок производства. Российское законодательство не требовало, чтобы оспариваемая мера регулярно пересматривалась следователем или судами. Жалобы заявителя на это ограничение неизменно отклонялись со ссылкой на те же факты, на основании которых эта мера была применена изначально. Однако Суд напомнил: необходимость сохранять данное ограничение неизбежно исчезает с течением времени, особенно в отсутствие дополнительных доказательств намерения заявителя скрыться, обнаруженных в ходе расследования (пункт 63 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, заявитель активно добивался разрешения покинуть город Н., и ему несколько раз отказывали. Когда он попросил снять ограничение и обязался присутствовать на всех слушаниях и допросах, областной суд подтвердил позицию о том, что если заявитель покинет город Н., то это навредит расследованию, но не объяснил, почему он счел, что обязательство явки является недостаточным для гарантии его присутствия. Доводы заявителя о потребностях зависимой от него матери вовсе не были рассмотрены внутригосударственными судами (пункт 64 постановления).

Суд счел, что внутригосударственные органы власти не привели достаточных оснований для поддержания ограничения перемещения в течение столь длительного времени. По мнению Суда, вмешательство в право заявителя на свободу передвижения не было необходимым в демократическом обществе. Соответственно, имело место нарушение статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции.

Неофициальные переводы текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получены из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.